

ГРОМКИЙ ГОЛОС ГРАФИКА-ФОРМАЛИСТА

Петр Караченцов — последний из могикан
ВХУТЕМАСа

Независимая газета. — 1998. — 18 дек. — с. 15

Дмитрий Смолев

В КОНЦЕ сентября скончался художник Петр Яковлевич Караченцов. На девяносто втором году жизни. И это значит, что нельзя употребить дежурную фразу вроде «уходит поколение вхутемасовцев». Поколения не стало давно, теперь уже их уче-

Петр Караченцов.
Портрет Моора.

ники все чаще оказываются на поминках у однокашников. Более того, воспитанники ВХУТЕМАСа исчезли гораздо раньше, когда большинство из них были живы. С конца тридцатых они исчезли из общественного сознания как выразители собственных художественных идей.

Именно в этом месте перестает работать статистика. Никто не ответит, стала ли мощная изобразительная культура, выработанная молодыми в 1920—1930-е годы, естественной кульминацией их творчества или это было лишь началом без необходимого продолжения. С живописью дело обстоит не столь категорически, здесь продолжалась полулегальная и даже каткомная жизнь, многое не изучено, потому и оценивать труднее. А вот про журнальных графиков можно сказать определенно: никто из плеяды, включая Петра Караченцова, так и не превзошел себя со времен работы в «Дасиш», «Тридцати днях» или «Росте». При том, что усилиями этих людей еще долгие годы формировалась эстетика иллюстрирования. Эстетика безусловно советская, почти каноническая. Разве что почерк...

ВХУТЕМАС, конечно, надуло революционным ветром, несмотря на всю предшествующую удобренность почвы. Многие абитуриенты приходили не то чтобы «пешком из Холмогор», но без всяких представлений о живописной культуре, без минимальной подготовки. Другие, кто не «от сохи», мало походили на маминых деток, часто имея за плечами бурную, извилистую биографию. Например, один из будущих графиков, Борис Булаков, хоть и вел себя героически на полях Гражданской войны, предпочел утаить это обстоятельство при поступлении, поскольку сражался в рядах Белой гвардии... Почти все начинали обучение с нуля или после долгого перерыва.

Петр Караченцов в связи с малолетством (он родился в девятьсот седьмом) избегал необходимости решать классовые дилеммы. Потомок казачьего рода по отцу и дворянского по матери выбрал для себя сословие художников, хотя пробовал начинать взрослую жизнь актером у Вахтангова. В театре, говорят, ему прочили будущее. О масштабе сценического дарования судить сейчас трудно, но когда спустя сорок лет, опаздывая в редакцию, он кричал в форточку: «Такси!» — такси подъезжало.

В художественно-технических мастерских тоже хвалили. До самого своего расформирования это заведение существовало как единый организм, потому студенты архитектурного или текстильного отделений (Караченцов числился на текстильном) не чувствовали себя «полу-художниками». Кто хотел обучаться настоящему искусству и твердо знал — у кого, получал такую возможность. Впрочем, учились не только у педагогов; ревниво и восхищенно поглядывали на эскизы и рисунки сокурсников.

Художники ОСТА (Общества станковистов), к которым примыкал Петр Караченцов, весьма рано и рьяно окунулись в самостоятельную работу. Ставили себе задачей адекватно отображать «новую действительность», а на деле эту действительность, точнее, эстетическую ее основу, сами же и создавали — картинами, фресками, плакатами, рисунками в печатных изданиях.

Уже с конца двадцатых Караченцов начал усердно заниматься промышленной графикой и плакатом (позже, когда дело дошло до обвинений в «формализме», его принял на время в свою группу патриарх-плакатист Дмитрий Моор — здесь было поспокойнее).

Пробовал силы в кинематографе, относительно успешно. «Относительно» — потому что вся работа дальше эскизов к «Пиковой даме» не двинулась. Режиссер Михаил Ромм выражал подготовительным штудиям всемерное одобрение и, когда картину все же закрыли, взамен предложив запускать «Ленина в Октябре», тут же позвал молодого художника за собой. Маячили почести и ордена, однако Караченцов отказался. Бог весть по каким причинам. Может, просто потому, что было не так интересно. Творческий азарт вопреки обстоятельствам для некоторых еще оставался главным стимулом.

Именно этот азарт виден в журнальных работах Караченцова начала и середины тридцатых. Там есть цвет, который внешне отсутствует. Там есть движение при нередкой статичности и уравновешенности элементов. Есть выразительность, удивительная даже для того, богатого на талантливые придумки времени. Лидер «остовцев» Александр Дейнека не раз прилюдно называл Караченцова своим любимым художником. На возражения, мол, он же график, отвечал: вам повезло, что не живописец, а то бы сами своих холстов устыдили.

Строго говоря, обвинения в формализме выглядели бы вполне обоснованными, если бы не были обвинениями. Чем плох художник, мыслящий категориями линии и пятна, остро переживающий взаимопроникновение белого и черного, нетерпимый ко всему избыточному в изображении? Да хотя бы тем, что его трудно уличить в идеологической измене, буде таковая случится. Поди разбери, с классовых ли позиций изобразил Петр Караченцов небесспорного мыслителя Льва Толстого, бредущего по заснеженному лесу за сворой собак? Ни тебе «социальных» деталей, ни психологической характеристики, не говоря уж об отсутствии иллюзорных эффектов, понятных «простому человеку». Одна только субъективная выразительность.

Нет, товарищ Караченцов, конечно, не враг, он сумеет преодолеть ошибки... В начале Отечественной войны Петр Яковлевич фигурировал в списке особо ценных творческих работников, подлежащих эвакуации. Призвался в армию из чужого, не осведомленного на его счет военкомата. Командовал минометной ротой, прошел Сталинград и лишь после ранения под Курской дугой продолжил службу рисовальщиком в армейских газетах. А ведь совсем незадолго до того ожи-

Петр Караченцов.
Иллюстрация к «Рассказам о Толстом»
Л. Зилова.

дал ночного ареста; вопреки инстинкту самосохранения не вступил в партию... Случай не единственный, говорящий, может быть, не о патриотизме даже, сколько о персональных свойствах такого рода людей.

Послевоенного Караченцова знала уже вся страна, включая тех, кто никогда не слышал этой фамилии. Вплоть до семидесятых годов он иллюстрировал «Огонек», самый массовый и популярный всесоюзный журнал, оформлял многотомники — Конан-Дойла, Драйзера, Синклера Льюиса. Много ездил по миру (применительно к тому времени язык не поворачивается сказать — «путешествовал»), отовсюду привозил рабочий материал для будущих иллюстраций. Пройдя через горнило тотального редактирования, существовал; но изменил манеру — с учетом всевозможных настоятельных пожеланий. Впрочем, не настолько, чтобы делать вещи пресные и безличные. Опытный зрительский глаз без труда различал в иллюстрациях Караченцова отголоски былых исканий. Но только отголоски.

Наверное, это единственное, что он мог сделать: сохранить профессионализм и интонации. Некоторые модуляции своего настоящего голоса. Почему-то теперь считается, что книжка с картинками, журнал с рисованным оформлением нужны лишь детям. Графические образы взрослой литературы создаются ныне, в лучшем случае, посредством фотоколлажей. Приходит дизайнер, уходит художник: дорого, неактуально, нетехнологично... Время свободных личностей не нуждается в личностях? А кто, кроме личности, сможет так изобразить небесспорного мыслителя Толстого, бредущего по заснеженному лесу за сворой собак? Или что-нибудь другое. Дело не столько в сюжете. Сами знаете — формализм.